

Уже давно миновал тот возраст и преодолено состояние духа, когда небрежно, как о само собой разумеющемся, сообщал коллегам:

– Вчера письмо от Распутина...

Воистину, гордыня – бесовское искушение, причем сильнейшее... Письма Валентина Григорьевича вовсе не были обыденностью, их, адресованных мне, пересчитать – пальцев двух рук хватит. Не решаюсь назвать их дружескими, однако и рассматривать как сугубо деловые – тоже несправедливо... Без лукавого стенания и неуместного сожаления понимаю, что не только о дружбе, но и о приятельстве с Распутиным говорить не приходится!.. Ведь всего-то личного общения – две мимолетные встречи!.. Первая – в 1975-м, в Иркутске, когда в аудитории университета самоуверенный первокурсник спросил писателя: «Появись сегодня Александр Грин, его бы опубликовали?!» Мне тогда казалось, что Грин – чуть ли не классик. А второй мини-диалог состоялся на горе Пикет, во время Шукшинских чтений, когда мне, тогда корреспонденту «Бийского рабочего», захотелось выяснить, зачем Валентин Григорьевич написал предисловие к роману Евг. Евтушенко «Ягодные места»...

Настоящее знакомство, стало быть, заочное – через письма. Не хочу рефлексировать о правомерности ощущений, но мнится, что частичка душевного расположения, сердечности, предназначавшаяся лично мне, была-таки в написанных убористым, не всегда даже разборчивым почерком строчках Валентина Григорьевича!.. Откровенностью, доверием, искренностью не одаривают посторонних... Что же разогрело сию теплоту?.. Наше общее сибирское землячество?.. Принадлежность к литературному братству?.. Может быть, вызвали некое сочувствие мои книжки, статьи, письма?.. Или же дружба с Александром Корольковым, философом и писателем из Санкт-Петербурга, по определению свидетельствовала в мою пользу?.. Не знаю. Но слышится мне в письмах что-то личное, от одной души к другой направленное, – отклик на нечто созвучное и воспринятое...

Сегодня уже мало кто помнит, даже в Бийске, что под эгидой местного педагогического вуза выходил на рубеже «нулевых» литературно-художественный, общественно-политический «толстый» журнал

«Розмысл», выпуском и содержательным наполнением которого непосредственно занимался автор сего вступления. Украшением первого номера, вышедшего в 1999-м, стало напутствие Распутина и его статья «Звонкое слово – Пушкин». Я полюбопытствовал в Интернете, публиковалось ли «пушкинское» выступление Валентина Григорьевича во Пскове, еще где-либо в те далекие уже годы. Никаких следов не нашел – похоже, «Розмысл» был первым...

Спустя десять лет меня захватила идея поздравить с семидесятилетним юбилеем замечательного человека, академика Российской Академии образования Александра Аркадьевича Королькова (имя друга Саши – буквально в каждом письме Распутина из моего скромного архива!), выпустив специальную книгу – с воспоминаниями, статьями и прочими материалами, присущими такого рода изданиям. Как результат – книга «Органика культуры», вышедшая в Бийске в 2011-м. Валентин Григорьевич, уже будучи тяжело больным, сочувственно и уважительно воспринял нашу с юбиляром настойчивость, откликнулся на просьбу и прислал свою статью («Давно собирались мы в Тобольск...») – едва ли не последний случай, когда Распутин отправлял в какое-либо издание новый, специально подготовленный текст. Между прочим, сам Валентин Григорьевич снабдил материал более кратким названием – «В Тобольск», однако впоследствии согласился с предложением А.А. Королькова изменить заголовок...

Но не затянулось ли предисловие?.. Не навязываю ли я свое присутствие, исключительно ради информационного пояснения присоединяясь к голосу выдающегося художника слова?.. Как бы ни хотелось продолжить, но останавливаю столь дорогие для меня воспоминания... С трепетом душевным предлагаю благосклонным читателям «Бийского Вестника» письма Валентина Григорьевича Распутина, адресованные автору сей публикации.

Валентин Григорьевич на горе Пикет во время Шукшинских чтений

29 июня 1999 г., Иркутск.

Уважаемый Вячеслав Анатольевич!

Александр Аркадьевич Корольков уговорил меня отдать свой текст выступления на пушкинском юбилейном вечере в Пскове в ваш журнал. Делаю это с опозданием, но надеюсь, не с окончательным, посылаю и что-то вроде напутствия. Прошу прощения за «руку», но оказался совсем без техники. В наше время повальной компьютеризации мне доставляет это удовольствие, вам же, боюсь, доставит неудобства.

Удач вашему журналу и Вам!

Искренне *В. Распутин*

[Далее – напутствие журналу «Розмысл». – *В.В.*]

Сейчас много появляется журналов – и толстых, и тонких, и литературных, и прочих. Большинство из них, как правило, имеет короткую жизнь. Причины: безденежье и безчитательье. Вторая причина серьезней, порядки последнего десятилетия загнали людей в такое отчаяние и оцепенение, что не до чтения. Чтобы разбудить, внушить надежду этим людям, требуется слово, которого еще не бывало по своей пронзительной доброте и искренности, по своей духоподъемной силе.

Вот такого слова я и желаю журналу «Розмысл», и тогда все будет в порядке

Валентин Распутин

[К письму прилагался распечатанный текст на 6 страницах «Звездное слово – Пушкин» с правкой В.Г. Распутина – *В.В.*]

8 апреля 2000 г., Иркутск.

Уважаемый и дорогой Вячеслав Анатольевич!

Я из Москвы писал уже Вам, а теперь вновь подтверждаю, что приехать в конце сентября в Бийск на симпозиум «Человек культуры» [одно из заметных научных мероприятий, организуемых в то время Бийским педагогическим вузом, получившим в 2000-м статус университета. – *В.В.*] не смогу. С великим сожалением приходится отказываться от этой поездки. На Алтай мне нужно, но очень неподходящие сроки. С 1-2 октября мы проводим в Иркутске ежегодные Дни русской духовности и культуры, и большая часть пригласительно-организаторской работы лежит на мне, последние дни перед началом, как правило, самые беспокойные. Впрочем, Вы всё это знаете.

Желаю успехов Вам и Вашим коллегам в проведении этого нужного события и надеюсь на встречу в дальнейшем. А вот А.А. Корольков, вероятно, успеет нынче побывать и у вас, и у нас. Ему и дорога одна, и сроки как нельзя более подходящие.

Ваш *В. Распутин*

[Из письма режиссера Ирины Поплавской В.А. Возчикову 21 марта 2001 г.]

<...> Посылаю Вам, по его просьбе, письмо Валентина Григорьевича Распутина и несколько глав из своей книги-трилогии – «Мой фильм (исповедь кинорежиссера). <...>

21 марта 2001, Москва.

Дорогой Вячеслав Анатольевич!

Не удивляйтесь, пожалуйста, поступлению этой работы. О существовании ее я еще несколько месяцев назад сказал Саше Королькову, и он, правда, не читая, предложил показать в «Розмысл», что мы теперь с Ириной Ивановной Поплавской, автором рукописи, и делаем, посмотрите, пожалуйста. Мне работа нравится, но я в щекотливом положении, поскольку И.И. снимала по моей прозе фильм, о чем здесь и пишет, но поверьте, что себя, даже в качестве «героя», рекомендовать я бы не стал. Дело не во мне, а в свидетельстве из первых рук и из первых уст о кино такого, о чем читатель не знает, об атмосфере в искусстве недавнего прошлого.

Если рукопись не подойдет – никаких обид ни с моей стороны, ни со стороны автора быть не может. Мы только предлагаем, а решать Вам. Работа у Ирины Ивановны большая, поступайте с нею, как сочтете возможным, договорившись, конечно, с автором [конечно же, материал И.И. Поплавской был опубликован в журнале «Розмысл» – в 2002-м! – В.В.].

Своего я, к сожалению, прислать ничего не могу. Увлечен болезнями, но, надеюсь, не навсегда.

Искренне Ваш *В. Распутин*

8 января 2002, Москва

Дорогой Вячеслав Анатольевич!

Обращаюсь к Вам с просьбой, тем более что уверен, что инициатива, вызвавшая эту просьбу, исходит от Вас.

Уже более месяца назад получил я подписанное ректором вашего университета письмо с приглашением на симпозиум-чтения в конце сентября теперь уже наступившего года. Или – прислать статью для будущей книги об интеллигенции. Невозможность поехать на симпозиум для меня была ясна с самого начала, потому что ежегодно с 1 октября мы в Иркутске проводим праздник русской духовности и культуры, а конец сентября – самое ответственное время; одни из приглашенных отказываются, другие не могут и т.д., надо их срочно заменять, объяснять и встречать. Александр Аркадьевич [А.А. Корольков. – В.В.] был у нас два года назад, он эту кухню представляет.

Что касается статьи – есть у меня статья, по теме подходящая и большая, но требующая тоже большой переделки, ибо написана она больше десяти лет назад. Боюсь, что до 1 апреля мне с нею не совладать.

Занят я сейчас работой, отставляя которую боюсь: отставлю – не скоро примусь снова, поэтому лучше всего, чтобы не подводить вас, отказаться мне и от этого варианта. Долго я раздумывал: успею – не успею, и, пока раздумывал, всё очевидней становится, что могу не успеть.

Простите за «руку»: есть у нас в доме компьютер, но нет у меня с ним отношений. А машинку расколотил, новую же завести не соберусь. Нужна мне механическая, а они теперь в редкость. Ещё и поэтому я пишу Вам: ректору показывать свои каракули неловко, а вы по-свойски поймете.

С наступившим Новым годом! Здоровья и душевной крепости!
Ваш *В. Распутин*

* * *

25 июля 2009 г., Иркутск.

Дорогой Вячеслав Анатольевич!

Письмо Ваше отыскало-таки меня, хотя по летнему времени было это не просто.

Я рад получить от Вас, как прежде говаривали, весточку, рад, что друзей своих Вы не забываете. Имею в виду прежде всего Сашу Королькова, конечно, трижды достойного, чтобы в юбилейные дни отдать ему должное. Одного боюсь: что сам я для такой работы не гожусь. Вот уже три года всякое сочинительство даже в малых формах я оставил. Провалился в яму, где только болезни и никаких вдохновений.

По этой же причине не поехал на юбилей Василия Макаровича. Поверь, что это не отговорки, Саша о моих бедах знает, но, боюсь, что, как и большинство, кому пытаешься объяснить, не очень верит.

Давайте договоримся так: до Сашиного юбилея время еще есть, и если у меня хоть что-то хоть в какой-никакой форме получится, – тогда пришлю, то ли будет, то ли нет. Ничего более определенного я обещать не могу. Болезнь моя отступать и не думает, а годы вспять тоже не разворачиваются.

А письмо от Вас получить был искренне рад.

С поклоном *В. Распутин*

* * *

18 июля 2010 г., Иркутск.

Дорогой Вячеслав!

Лучше поздно, чем никогда. Отсылаю одновременно два письма – тебе и Саше Королькову. Только что вышел опять из больницы (я в Иркутске), куда попал в срочном порядке <...>. Слава Богу – ненадолго: подошла у погибшей дочери очередная годовщина [Мария Валентиновна погибла 9 июля 2006-го в авиакатастрофе в аэропорту Иркутска. – *В.В.*], и я пригрозил, что убегу в любом виде. <...>

[Валентин Григорьевич просил никому не показывать данного двухстраничного письма, потому я прерываю цитирование. – *В.В.*]

Ноябрь 2010, Иркутск.

Дорогой Вячеслав!

Наконец-то, спустя месяц или два, даю вам ответ. Ответ и попытаюсь-таки что-нибудь сказать о Саше Королькове. Но беда моя та, что я сегодня что-то соображаю, а через неделю полностью свободный человек от памяти и товарищей.

Недели через две возвращаемся мы в Москву. Надолго ли – ни один больной, ни другой знать не могут. Но очень, очень хочется по весне вернуться в Иркутск, и тогда уже можно будет прекратить всякое общение с миром.

Хочу, чтобы вы с Сашей меня поняли! Я не капризничаю, не цену себе набиваю. Боюсь. Боюсь, потому что мало что из своей былой молодеческой жизни помню. Заговариваюсь, далеко от дома не отхожу, не отхожу далеко и от сегодняшнего дня, что было не только годы, но и месяцы назад, помню слабо.

Хватит пугать вас, а испугаетесь, когда увидите мое сочинение. Но полной уверенности в том, что оно у меня явится нет.

Чтобы я что-то вспомнил, мне нужен очерк (статья) о нашей с Сашей поездке к Елфимову [Аркадий Григорьевич Елфимов – председатель общественного фонда «Возрождение Тобольска», книгоиздатель. – В.В.]. Она у меня где-то есть, но отыскать не могу, и его статьи (одну-две) об образовании, которым он занимается, и совсем небольшие его воспоминания о его работе в Париже.

Попробуем! Но надежды очень и очень мало. В моей памяти не осталось и тысячной доли русского языка, которым я писал.

Обнимаю. *В. Распутин*

03.01. [3 января 2011, Москва]

Дорогой Вячеслав Анатольевич!

Я понимаю, что не того вы с Сашей ожидали от меня, но я, братцы, верьте – не верьте, в тяжелом положении и ничего лучшего сделать не мог, хоть и перебрал несколько вариантов. Всё, как говорится, сдал окончательно. Верите вы мне или не верите, но мне уже просто нельзя братья за перо. Так я и сделаю, эта последняя попытка, над которой я сидел не час и не два и не день и не два, заставляет меня окончательно проститься с тем, чем я жил.

Не взыщите.

Книжку вы и без меня сделаете хорошую, дружескую, а я потом, если будет на то воля Божья, с радостью ее прочитаю.

Кланяюсь вам. *В. Распутин*

Хотя и поздновато, а всё-таки с Новым годом!

В.Р.

Дорогой Вячеслав!

Спасибо за письмо и дружескую поддержку. Я сейчас этим и живу! Друзья не забывают, тормозят, и хочешь – не хочешь, а приходится двигаться и отзываться. Со смертью Светланы я всё не только тему потерял, но в незначительной степени и себя тоже. Потому что уже давненько, года три или четыре назад очень сильно изменилась память. Сначала это были моменты, когда спала в Красноярске, а затем в Иркутске, улица Братва избавила меня до полусмерти, после чего и там, и там не общался без серьёзных осложнений. А к старости они стали ещё серьёзнее. Теперь всего 3 недели через две надо лететь в Москву (надеюсь, что недолго), а как я там буду передвигаться, как общаться с друзьями и семьёй (а в Москве они, кажется, уже не остаются) – не представляю.

Жители Сибири и в Китае в последний раз побывать, да побывать. Разве что нам

Фрагмент письма В.Г. Распутина – В.А. Возчикову. 31 августа 2012 г.

* * *

31 августа 2012 г., Иркутск.

Дорогой Вячеслав!

Спасибо за письмо и дружескую поддержку. Я сейчас этим и живу! Друзья не забывают, тормозят, и хочешь – не хочешь, а приходится двигаться и отзываться. Со смертью Светланы [Светлана Ивановна – жена

В.Г. Распутина, умерла 1 мая 2012 года. – В.В.] я ведь не только жену потерял, но в немалой степени и себя тоже. Потому что уже давненько, года три или четыре назад, очень сильно лишился памяти. Сказались раны молодости, когда сначала в Красноярске, а затем в Иркутске, уличная братва избивала меня до полусмерти, после чего и там, и там не обошлось без серьезных операций. А к старости они дали себя знать, притом очень серьезно, теперь вот недели через две надо лететь в Москву (надеюсь, что ненадолго), а как я там буду передвигаться, как общаться с умными людьми (а в Москве иных, кажется, уже не осталось) – не представляю.

Хотелось бы и в Питере последний раз побывать, да побаиваюсь. Разве что наш общий друг Саша Корольков возьмет надо мною шефство... Но и это, как говорится, под вопросом.

Кроме писем, ничего больше не пишу. В первые тяжелые годы пытался преодолеть себя, заставить не сдаваться – нет, всё напрасно. Что хорошо и что плохо – слава Богу ещё могу различать, и не только у себя, но и у других. Семьдесят пять годочков – не шуточки, уже не ты над ними властвуешь, а они над тобой.

И все-таки надеюсь еще на встречу.

Искренне *В. Распутин.*

* * *

10 января 2014-го я отправил сообщение на мобильный телефон Валентина Григорьевича, полагая, что так ему будет легче и читать, и при желании – ответить:

«Дорогой Валентин Григорьевич, день добрый, поклон Вам!.. Выпросил у Королькова номер Вашего телефона, чтобы поздравить с добрыми зимними праздниками – Рождеством, Новым годом. Будьте здоровы – обязательно! Мира и благополучия Вам, творчества – Вашего неповторимого, всего доброго Вашим близким! Пусть добрым окажется наступивший год! С великим уважением, сердечно Вячеслав Возчиков».

Валентин Григорьевич ответил в тот же день, через три часа:

«Благодарю вас. Надеюсь, в Питере встретимся. *Распутин.*»

Не пришлось встретиться... И уже никогда не доведется...

Александр Корольков, уже не единожды упомянутый выше, в своей книге «Русская духовная философия» привел факсимиле письма В.Г. Распутина, из которого особо запомнилась мне такая строчка: «Россия еще вернется к себе...» Не пускаясь в рассуждения по сему поводу, добавлю лишь: вернется, думается, и тогда, когда осознается как очевидное: каждая строка великого писателя, такого, как Валентин Григорьевич, – достояние народа, страны, сыном которой он был. Записки, письма, рукописи – всё, объемлемое понятием «наследие», должно быть собрано и сохранено с надлежащей бережностью, вводиться в научный оборот через публикации в книгах, журналах, газетах... Способность воспринимать боль другого как собственную, сопереживать душе ближнего – не в этом ли духовность?..